

Мыц В.Л.

О том, как А. Р. Андреев "обогадил" историю Крыма.

Сложность экономической, политико-правовой, этнической и конфессиональной ситуации, сложившейся в Автономной Республике Крым в последние годы, породила множество лженаучных опусов, претендующих на "глубокое и всестороннее" изучение исторического прошлого народов, ранее населявших полуостров и проживающих ныне на его территории. Некоторые из этих "трудов" в настоящее время даже рекомендуются в качестве "пособий" для преподавателей школ и вузов. К чему ведут спекуляции на историко-этнологические и конфессиональные темы - хорошо видно на печальном примере Кавказского региона. Научная экспертиза (рецензирование) псевдонаучных изданий проводится с большим опозданием (когда "литература" начинает расходиться с прилавков магазинов) и, как правило, остается незамеченной не только авторами и издателями, которые не несут за "качество продукции" ни моральной, ни материальной (не говоря уже о какой-либо другой) ответственности, но и населением, потому что рецензии публикуются в основном в малотиражных научных изданиях или в газетах (в этом случае резко снижается объем и острота критики). В качестве примера можно привести появившуюся в Крыму в прошлом году книгу А.Р. Андреева – "История Крыма: Краткое описание прошлого Крымского полуострова. – Москва: Изд-во Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997. – 355 с. (Ссылки на эту книгу в тексте данной статьи приводятся далее с указанием только страниц). Специалист, ознакомившись с данной книгой, наверняка отнесет ее к типу наивно-компилятивных опусов, которые обычно представляют нерадивые студенты в качестве дипломных работ в надежде получить хоть какую-нибудь оценку по окончании "бурсы" гуманитарного профиля. Автор явно не отягощен историческими знаниями, и поэтому любая книга или статья, прочитанная на избранную тему, производит на него сильное впечатление. Поверхностно просмотрев несколько работ, в которых рассматривались проблемы исторического прошлого Крымского полуострова, и вооружившись тремя эпиграфами, А. Р. Андреев берется за создание "монументального полотна" (попросите пятилетнего ребенка изобразить картину мира, и он быстро, не задумываясь, справится с поставленной задачей – так же поступает и наш уважаемый автор). Если бы ему пришлось внимательно перечитать реально существующие несколько тысяч статей и сотен томов научной литературы, посвященной истории Таврики, он намного осторожней подошел бы к рекламному оформлению своего "проекта". Писать классические рецензии с научно-литературными выкладками на работы подобного рода – дело напрасное и неблагодарное, потому что они могут по объему превзойти рецензируемый труд. Издавать рецензии с детальной проработкой текста не имеет практического смысла - разве что в виде объемного приложения к книге А. Р. Андреева, но в таком случае теряет "актуальность" публикация самой "Истории Крыма". Но, чтобы не быть совсем голословным, обращусь к некоторым страницам книги А. Р. Андреева. Уже в аннотации автор "скромно" сообщает, что "в книге использованы *почти все* (здесь и далее выделение сделано мной) *известные исторические документы, касающиеся крымской истории, подтвержденные археологическими данными*". Читатель, наверное, уже догадался, насколько всеобъемлюще автор "Истории..." использовал исторические документы. Подтверждением этому служит приведенный в работе весьма скромный и опубликованный с ошибками список литературы из 107 наименований. Если бы А. Р. Андреев представил перечень научных трудов своих предшественников, изданных за последние двести лет, насчитывающий имена нескольких сот авторов, то можно было бы поверить в искренность его намерений донести до читателя плоды своих раздумий над многострадальной и полной трагизма историей Таврики, но факты говорят сами за себя.

Прозвучавшую в аннотации тему продолжает многообещающее обращение к читателю от автора: "данная работа является опытом **обобщения и анализа обширного научного и археологического материала**, касающегося истории Крыма. Автор надеется, что эта книга позволит читателям узнать **много нового и интересного** о Крымском полуострове..." Для меня лично осталось загадкой, какой опыт обобщал автор и что он анализировал (где следы этого анализа?). Имеет ли археологический материал отношение к "обширному научному", или это ненаучная сфера деятельности и исторических знаний, призванная в книге А. Р. Андреева прикрывать его полное непонимание и неумение обращаться с археологическими источниками? Что нового можно узнать из компилятивного опуса, составленного на базе произвольно выбранных и отчасти устаревших работ (пусть даже ставших библиографической редкостью и частично переизданных относительно недавно). Автор считает себя первооткрывателем, не подозревая, что многие сделанные им "выписки" (назовем так компилированные Андреевым тексты) содержат в себе уровень исторических знаний и представлений научного менталитета, соответствующего XIX – первой половине XX в. Поэтому провозглашенные им "новизна" и "анализ" с "обобщением" страдают зачастую безнадёжным анахронизмом.

Иногда автор своим "сравнительным анализом" и широтой построений просто ставит читателя в тупик. Как, например, понимать фразу касательно "Великого шелкового" пути, который "...сыграл значительную роль в политической и экономической жизни народов, населявших **Европу, Азию и Китай** (с. 6). Вероятно, нет необходимости напоминать, что Китай - это государство, которое находится на территории Азии. Далее автор демонстрирует еще более конкретные историко-географические знания. Оказывается, что "яйлы - платообразные безлесные вершины Крымских гор, **проходящих тремя рядами от Севастополя до Феодосии, были удобными площадками для постройки укрепленных селений, внезапно захватить которые практически невозможно**" (с. 6). Внимательно рассматривая карту Крыма, автор убедился бы в том, что яйлы расположены на Главной (условно называемой Первой) гряде и тянутся от Ласпи (Ласпинская яйла) до верховьев р. Танасу (Караби-Яйла). На них никто и никогда не строил укрепленных селений.

Если бы А. Р. Андреев пользовался современной научной литературой, то мог бы знать, что заселение территории Крыма происходило значительно раньше, чем 100 тыс. лет назад (с. 7), потому что на Южном берегу

обнаружены орудия, изготовленные из морских галек и относящиеся к позднему олдувауⁱ. А заглянув в археологический справочникⁱⁱ, выяснил бы современную периодизацию эпохи палеолита (с. 8). Уделяя столь значительное внимание таврской проблеме, следовало бы познакомиться и с работами современных исследователей, а не пользоваться устаревшими даннымиⁱⁱⁱ. Это избавило бы книгу от многих недоуменных вопросов, касающихся этногенеза и мест расселения тавров (с. 12-13). Совершенно тупиково выглядит тезис автора о том, что "путь на южный берег Крыма закрывала построенная таврами оборонительная стена... проходившая с севера от подножия мыса Эклизи-Бурун на юг до обрыва у верховьев реки Альмы" (с. 14.). Здесь читатель должен задаться вопросом – а как обстояло дело с другими перевалами, через которые и в древности проникали на Южнобережье? Оказывается, многие перевалы были перекрыты заградительными стенами. Проблеме их датировки посвящено множество публикаций. Автору "новейшего" издания по истории Крыма следовало бы знать, что гипотеза о применении таврами горной фортификации за последние 50 лет так и не нашла себе подтверждения, а все, что приписывалось ранее таврам, на самом деле возведено в эпоху средневековья^{iv}. Поэтому Л. Р. Андреев совершенно напрасно пытается убедить читателя в том, что "скифы испытали большое влияние культуры тавров в **горном деле** и фортификации при строительстве своих крепостей и укреплений"(с.17). Насколько мне известно, "горное дело" не имеет прямого отношения к "фортификации", а крепости и укрепления в данном предложении – просто тавтологическая "перегрузка", проясняющая "глубину" знаний уважаемого писателя в данном вопросе. Фантазия автора увлекает на Южнобережье для сражения с таврами фалангу под командованием Диофанта. "Сражения проходили в гористых районах южного Крыма, где роксоланская конница не смогла развернуть свои боевые порядки". Историкам и археологам будет интересно узнать, что..."Диофант прошел по всему южному побережью Крыма и с кровопролитными боями уничтожил **все поселения и укрепленные пункты тавров, включая главное святилище тавров – богини Девы-Парфенос, расположенное на мысе Парфении в Бухте Символов у Балаклавы. Остатки тавров ушли в Крымские горы...**"(с.50-51).

Оказывается, что при колонизации Таврики древними греками "... возникло греческое поселение, получившее название Алупка" (с. 33). Ряд высказываний граничит с эпохальными открытиями: "По греческим образцам скифы изготавливали красивую и разнообразную глиняную посуду, включая амфоры, используемые для хранения воды и зерна. Посуда изготавливалась с помощью гончарного круга и **украшалась сценами скифской жизни**" (с. 30-31); "В устье Днепра, за днепровскими порогами, скифы построили опорный пункт – каменную крепость, контролировавшую водную дорогу **"из варяг в греки"**, с севера в Черное море"(с. 35). А. Р. Андреев считает, что в Крыму был только один царский курган – Куль-Оба у Керчи (с. 43), **"лошади сарматов имели железные стремена"** (с. 47), скифы строили **"кирпичные дома"** (с. 59), а Херсонес являлся **"наблюдательным пунктом Византии в Северном Причерноморье"** (с. 68); после возвращения гуннских племен в Северное Причерноморье и Крымский полуостров часть их расселилась **"на территории разгромленного ими Боспорского царства и на южном побережье Крыма до Херсонеса, выдавив живших там готов на Таманский полуостров и в юго-западный Крым"** (с. 71). Но, видимо, по странному стечению обстоятельств, еще никому не удавалось обнаружить следов пребывания гуннов в горном Крыму. Вероятно, степняки-кочевники не чувствовали себя комфортно в горных долинах. Опережая цитату из сочинения Прокопия Кесарийского, автор утверждает, что "основными узлами обороны были построенные византийцами крепости Алустан (Алушта), Горзувиты (Гурзуф) и **укрепленный пункт в Симблоне (Балаклаве)**"(с.73). Но наличие крепости VI в. в Балаклаве на настоящий момент не подтверждают ни письменные источники, ни археологический материал. Вообще описание средневековой истории полуострова выглядит трагикомично при всем желании автора сохранить серьезный ("научный") тон изложения. Например, касаясь болгаро-хазарских отношений, Андреев приходит к выводу, что **"впоследствии болгары были разогнаны по окраинам степи хазарами"** (с. 75). Зачастую трудно проследить за мыслью автора и составить логически приемлемую конструкцию. "В течение VIII века Хазария интенсивно укреплялась в степном Крыму. На месте **разрушенных ими местных поселений хазары построили свои укрепленные центры - в Фуллах, Доросе, Сюйрене, Кыз-Кермене, у Чуфут-Кале"** (с.78). Процитированный и полностью сюжет оставляет больше вопросов, чем дает ответов на исторические темы: 1) если хазары "укреплялись" в степи, то причем тут памятники расположенные в горном Крыму?; 2) точное местоположение Фулл и Дороса не установлено, существует несколько гипотез и довольно большая литература по данным проблемам; 3) на Сюйрени "хазарскую" крепость помещает только И. А. Баранов", но в списке литературы отсутствует его работа. Изложение в стиле а ля-Баранов (с. 78-80) дает возможность предполагать, что либо Игорь Авенирович редактировал труд А. Р. Андреева, либо тот "пользовался его источниками".

Касаясь иммиграции в Крым иконопочитателей из Малой Азии **"византийских монахов и греков"** (по А.Р.Андрееву можно подумать, что в состав византийского монашества не входил и греческий этнический компонент), автор дает весьма своеобразный экскурс в "этногенез" населения средневековой Таврики: "Впоследствии греческое население Крыма составили античные греки – жители греческих городов-колоний, греки средневековые, образовавшиеся в результате ассимиляции тавров, скифов и сарматов, спрятавшихся в Крыму от гуннского нашествия, и греки архипелажские, переселенные в Крым по решению российского правительства в конце XVIII века для пограничной службы" (с. 79).

Вторжение автора "Истории Крыма" в проблемы формирования государственных образований на территории полуострова, проявления форм феодальных отношений, строительства укреплений типа замков и др. выглядит настолько неуклюжим и неосознанным, что для разборки смешанных терминов, дат и понятий пришлось бы написать объемную работу. Разновременные и разнохарактерные укрепления горного Крыма "выстраиваются в логическую цепь" (с. 81), подтверждающую полную некомпетентность "исследователя" в избранной для "исторического анализа" теме. Например, на г. Ай-Никола вообще нет фортификационных сооружений, а на Хараксе

располагалась только крепость, возведенная римлянами. Мне десять лет пришлось руководить работами на территории Алустана, но никаких "следов обновления" в VIII-X вв. при этом не было выявлено. Возникает вопрос - откуда автор черпал информацию, которая не подтверждается никакими данными?

Некоторые умозаключения автора можно вообще оставить без комментариев, потому что они четко определяют уровень его "исторического менталитета". "Впервые (? -В. М.) в сферу политических и торговых интересов Киевской Руси Крым вошел в 988 году, после взятия Херсонеса таврических войсками киевского князя Владимира" (с.88). "Примерно в это время киевским князем Владимиром или его отцом Святославом было основано Тмутараканское княжество Киевской Руси на Тамани и части Керченского полуострова с городом Корчевым (нынешняя Керчь). **С этого исторического периода славяне из Киевской Руси постепенно расселились по всему Крыму. Старый Крым, Судак, Мангуп, Херсонес – именно здесь славяне составляли наиболее значительную часть населения.**" (с. 89). В заключительной фразе читатель, вероятно, почувствовал дыхание дискуссии 1952 г., когда германцы и тюрки-болгары были объявлены славянскими племенами, расселившимися на территории полуострова. Судя по всему, А. Р. Андреев не осознает противоречивости изложения "фактов" в своем "сочинении". Созданное им нагромождение цитат (весьма топорно подработанных), выхваченных из контекста повествования историков прошлых лет, создает непреодолимые препятствия на пути действительного осознания всей многогранности и сложности истории Крыма.

Далее подобные безответственные высказывания только множатся при условии крайне небрежного отношения к датировке хорошо известных исторических фактов. Оказывается, что еще в начале XII в. Венецианской республикой на южном побережье Крыма были основаны колонии "в виде торговых факторий" (с. 100). На основании каких данных автор пришел к этому заключению? Где А. Р. Андреев подчеркнул информацию о том, что **"в середине XIII века золотоордынский улусный эмир Крыма Мангуп-хан передал до владение генуэзцам небольшой прибрежный поселок Феодосию"** (с. 101)? До сих пор договор о передаче монголами генуэзцам территории для основания колонии Каффы не найден, как неизвестна и дата ее основания (существует несколько точек зрения, относящих это событие к 1266-1275 гг.), а "улусный эмир Мангуп-хан" - просто вымысел. У автора полностью отсутствует представление о причинно-следственной связи исторических событий. Иначе он не пришел бы к выводу, что **"с 1273 до 1299 года внутри Золотой Орды продолжалась междоусобица между чингизидами и восставшим темником Ногаем..."** (с. 99). В открытую борьбу с Токтой Ногаем вступает только в 1299 г. Одержав победу в первом сражении (1299 г.), он погибает в 1300 г. после второй битвы. Последствия сепаратизма Ногай Токте удалось ликвидировать только к 1308 г. Тохтамыш был ханом Золотой Орды, а не "крымским ханом", как пишет А. Р. Андреев (с. 102). Договор с генуэзцами им был заключен в 1381 г. (по - Андрееву - в 1380 г.) и подтвержден в 1387 г. Эдигей (Идики) никогда не был крымским ханом (с. 105). Весьма "своеобразно" наш писатель дает трактовку причин процесса седентаризации кочевников: **"После захвата турками столицы Византийской империи Константинополя (1453 г. – В. М.) и взятия ими под свой конт-роль Босфорского пролива прекратилась торговля Крыма со средиземноморскими городами. Кочевники стали земледельцами, в Крыму появилось множество новых небольших поселений"** (с. 115). Здесь следует напомнить А.Р.Андрееву, что закрепление земельных участков за кочевавшими в степном Крыму родами происходит при Сахиб-Гирее I (1532-1551) и Девлет-Гирее I (1551-1577), что и привело к постепенному "оседанию на землю" населения, ведшего кочевое хозяйство. Временное закрытие проливов турками в 1453 г. не могло повлиять на процессы, которые происходили в Крыму сто лет спустя.

Основой главы 11 (Крым в составе Российской империи. XVIII-XIX века) стали данные "Списков населенных мест Российской империи. Т. XI. Таврическая губерния" (СПб, 1865), а именно - обширная цитата из общих сведений. Можно было бы только порадоваться добросовестности переписчика, если бы... он не урезал 15 страниц убористого текста "Списков" (с. XL-LIV) до 2 листов в своем "сочинении" (с. 198-202). И это - без единого указания пропусков, с совершенно произвольной стыковкой предложений! Не удивительно поэтому "авторское" уточнение первоисточника там, где оно менее всего требовалось: "в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов выселение (татар - авт.) приняло огромные размеры: татары массами просто бежали к туркам, бросая свое хозяйство" (с. 200). В процессе "урезания" четко прослеживается авторская позиция: с одной стороны - как бы деликатное обхождение национального вопроса (в тексте изъяты предложения, касающиеся образа греков в татарском фольклоре, татарского землевладения (с. XLI); статистика по ногайским выселенцам (видимо, просто оказалась не нужна - не из нашего уезда) и фраза о реакции многих на выселение татар (с. XLIII)). С другой - остался "плавный" переход от образования Ялтинского уезда в 1838 г. к массовому уходу мусульманского населения после Крымской войны (рассказ о которой из другого источника найдем через страницу) - как бы деликатное предложение с авторским уточнением. Или это неосознанный результат кромсания оригинала?

Приложения, помещенные в книге, относятся исключительно к XV -XIX вв. Вероятно, в более ранних исторических событиях военно-политического, религиозного и культурного характера автор не нашел интересных материалов. Для меня осталось загадкой - какое отношение к истории Крыма имеет "Легендарное письмо запорожцев турецкому султану"? (с. 228).

Неподготовленного читателя легко увлечь многообещающей аннотацией и соблазнительной краткостью "исторического курса", существенно дополненного приложением крымских пейзажей. Подобно самолечению с обратным желаемому эффектом, самообразование с помощью такого "источника информации", облеченного в солидную упаковку, может привести к одному результату - историко-культурной деградации. К чему приводит активизация людей с деформированным историческим самосознанием - общеизвестно.

Свое неравнодушие к Крыму и его истории можно выразить по-разному. В этом отношении весьма символическим стал помещенный автором в начале книги эпиграф №3 (с. 5) (в этом случае А. Р. Андреев остается

верен своей манере "подачи" использованных материалов – он не указывает, откуда взяты слова известного в Крыму историка и археолога Н. Л. Эрнста, и к тому же его фамилия искажена странным образом, а цитата произвольно "подправлена"): "Мы на сегодняшний день, через 150 лет после Тунмана, не можем похвалиться, что имеем хорошее связное изложение всей истории Крыма. Скажем прямо, мы все еще не имеем пока никакого, даже плохого^{vi}.

Теперь мы можем со всей уверенностью сказать, что у нас есть - после выхода книги А. Р. Андреева - *плохое и не связное изложение всей истории Крыма*.

ⁱ Жук С. М. Археологические разведки и охранные раскопки в окрестностях Ялты // Археологические исследования в Крыму: 1993 г. – Симферополь, 1994. – С.102-103.

ⁱⁱ Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. – М., 1990. – С.185.

ⁱⁱⁱ Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начала железного века (этнокультурные процессы) // Материалы по археологии Крыма. – Киев, 1996.

^{iv} Мыц В. Л. Укрепления Таврики X-XV вв. – Киев, 1991. – С.15-16.

^v Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – Киев, 1990. – С.59-60.

^{vi} Тунман. Крымское ханство (Перевод с немецкого издания 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской. Примечания, предисловие и приложения Н. Л. Эрнста). – Симферополь: Таврия. – С.5.